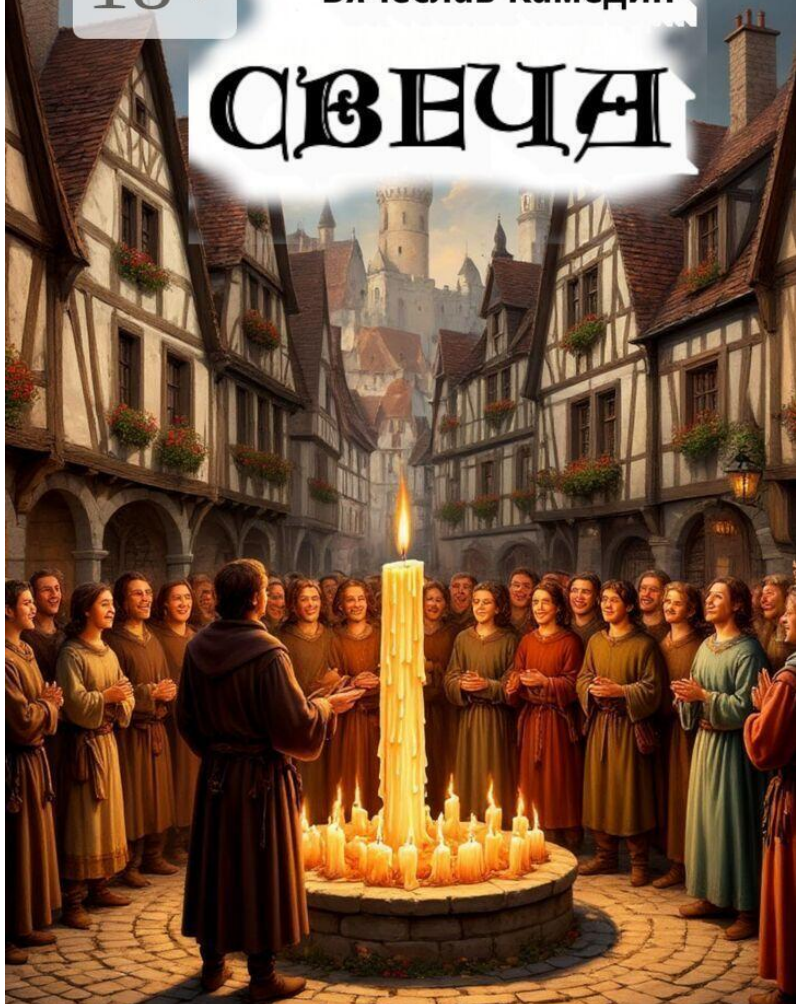

18+

Вячеслав Камедин

СВЕЧА

Вячеслав Камедин

Свеча

<https://litres.ru/74544459>

ISBN 9785007136952

Аннотация

В безымянном городе, затерянном за глухой стеной, тысяча лет горит Свеча. Она дарует тепло, еду, любовь и искренность. Здесь нет денег, нет зависти, нет преступлений. Люди ходят без оружия и без страха — они дети света.

В этот город приходит Странник — вор, шулер и циник, привыкший выживать в мире, где каждый сам за себя. Он насмехается над их добротой, не верит ни во что — и вдруг понимает, что здесь, в этом невозможном месте, ему впервые не хочется сбежать.

Содержание

Глава первая	6
Песнь первая. Город	10
Глава вторая	13
Песнь вторая. Молитва	17
Глава третья	19
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Свеча

Вячеслав Камедин

Моей милой Наташеньке

© Вячеслав Камедин, 2026

ISBN 978-5-0071-3695-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

Трактир пах дымом, тёплым хлебом и пряной тушёной фасолью — запахом, от которого у голодного человека сразу подводило живот. В зале было тихо: ни криков, ни звона кружек, ни споров за дальним столом. Люди сидели спокойно, будто ждали чего-то важного, и разговаривали негромко, почти шёпотом, как в храме. У стойки стоял трактирщик — не толстый и шумный, как водится в придорожных домах, а худощавый, с внимательными, будто всё замечающими глазами.

Перед ним замер Странник. Плащ его был в дорожной пыли, сапоги стёрты, а взгляд — острый, цепкий, привыкший искать подвох в каждом слове.

— Чего тебе, добрый человек? — спокойно спросил трактирщик, не выказывая ни тревоги, ни любопытства.

Странник усмехнулся краем рта:

— Откуда уверенность, что я добрый?

— Человеку свойственно быть добрым, — просто ответил трактирщик.

Странник хмыкнул, будто услышал самую нелепую шутку в жизни:

— Смешно. Но дело твоё. Дай мне мяса, жареных яиц с бобами, рома. Да возьми плату вперёд...

— Денег не надо. С посетителей мы денег не берём.

Странник прищурился, будто пытался разглядеть в этих словах ловушку:

— Как так? Впрочем... странность поджидает, видимо, меня в вашем городке на каждом шагу. Позволь спросить, милейший, отчего я не встретил ни рынков, ни торговых лавок в вашем городке?

— Нам всё даёт Свеча, — так же ровно ответил трактирщик.

— Свеча? — Странник коротко хохотнул. — Да, ещё одна загадка. Видал на площади огромную свечу. Повыше высокой колокольни. Ха, когда брёл сюда, видал голых девок, переходили площадь...

— Они шли в баню, — спокойно пояснил трактирщик. — Дома разделись. Ведь это разумно.

— Ха-ха, разумно, — снова усмехнулся Странник, но в смехе его уже не было прежней уверенности. — Парней на грех толкать...

— О, у нас не бывает злодеяний, — мягко возразил трактирщик. — Никто не помышляет о злом. И нагота никого не смущает, ибо всё любововно.

Странник помолчал, потом наклонился чуть вперёд, будто хотел разглядеть в лице трактирщика хоть тень хитрости:

— Я попал в город умалишённых? Или умер и оказался в раю?

— Свеча нам дарит все блага, — не обращая внимания на насмешку, продолжил трактирщик. — Свеча даёт огонь во

все очаги. Мы просим у огня еды и тепла. Свеча даёт нам любовь. И посему нет зависти и обид, нет обделённых едой или любовью. Свеча даёт нам искренность...

Странник провёл ладонью по лицу, словно пытаясь стряхнуть усталость и недоверие разом:

— Право дело, я долго в пути. Быть может, я где сплю и зрю самый странный сон. Скажи, а на кой тогда трактир?

— Для вас, странников, — просто сказал трактирщик.

Странник замер, будто эти слова ударили его сильнее, чем любой клинок.

— Для нас... — повторил он тихо, почти себе под нос. — А свеча... Скажи, откуда она?

— Она уж тысячу лет горит в нашем безымянном городе, — голос трактирщика стал тише, почти благоговейным. — По преданию, нам её дал Создатель.

Странник хотел было бросить ещё одну колкость, но увидел, как потемнели глаза трактирщика, как пальцы его едва заметно сжались на краю стойки.

— А ежели погаснет... — начал он небрежно, почти в шутку.

— Стой! — голос трактирщика вдруг стал твёрдым, как железо. — Не говори такого! И даже думать не смей! Это единственный запрет и грех у нас...

Странник отступил на полшага, впервые за долгое время не зная, что сказать. В этом тихом трактире, где не брали денег и где наготу считали разумной, одно лишь слово о по-

гасшей Свече вызывало настоящий ужас.

Он медленно опустил руку, которой собирался потянуться к кружке, и тихо спросил:

— Прости... не хотел обидеть. Расскажи мне про этот за-
прет. Что будет, если... ну, если представить, что пламя всё
же угаснет?

Трактирщик долго смотрел на него, будто решая, достоин
ли чужак такого знания. Потом тихо, так, чтобы не услышали
другие, произнёс:

— Говорят, что вместе с пламенем уйдёт и сама доброта
из наших сердец. Что вернётся голод, зависть и зло. И тогда
город станет таким же, как весь остальной мир.

Странник прикусил губу. Он, человек, который всю жизнь
строил своё выживание на том, что люди завидуют, злятся
и готовы предать друг друга за монету, вдруг почувствовал,
как по спине пробежал холодок — но не от страха, а от че-
го-то куда более странного: от мысли, что здесь, в этом го-
роде, всё устроено иначе. И что, возможно, он попал сюда
не просто так.

Песнь первая. Город

Есть город жителей престранных,
Бесформенных теней,
Жрецов надежды неустанных, —
Негаснущих огней,
Далёких, мнимых, но желанных:
Алтарь из алтарей.

Вкруг города стена глухая —
Из страха кладь.
За цитаделью тьма немая,
Немая тьма,
Что, в ужас всех и в дрожь бросая,
Скребёт ворота.

Взгляни из башен сего града:
Вот там и там, и там
Сонм факелов — то звёзд громада
Отражена в прудах.
Глаза взирают то из ада
И тлеют, тлеют в прах.

И зоркий кондор, быстрокрылый

Увидит вдруг из-под небес
Толпы круг топкий, непрерывный —
Верховный в центре круга жрец
Молитву голосом надрывным
Несёт к надежде всех сердец.

На пьедестале возвышенья
Алтарь... свеча... лучи.
И возложение подношенья
Горит в лучах свечи.
Люд будто ропщет — предвкушенье
У каждого в груди.

Свечи огонь так слаб и робок,
Как этот тусклый мир,
Рождённый из возни микробов,
Сползлись что раз на пир.
И вот теперь сгрудились те бок о бок,
Чей запылал кумир.

Их лихорадит ожиданье,
Что вот, что вот, что вот,
На них сойдёт судьбы посланье —
Оно ли у ворот?
Страшит лишь разочарованье;
Их страх — тяжёлый гнёт.

Уж полночь близится, и жрец
Начнёт свой ритуал;
И каждый чувствует жилец
В крови азарт, накал,
Подобный лаве, где свинец
Забыл, что он метал;

Он в жерле адского горнила
Течет, как будто бы вода. —
Та, вулканическая сила
Переполняет им тела
И бьется песнею счастливой
В просмоленные небеса.

Напев по-детски истеричен,
Он радостный, как пёс,
Что в конуре был флегматичным,
И вот, увидел кость,
И всё простил, к бичу привычный, —
Но затаил собачью злость.

Глава вторая

Вечер опустился на город мягко, будто накинул на крыши тёплый плащ. Площадь, днём казавшаяся просторной и светлой, теперь стала местом, где свет жил отдельно от тьмы — он не прогонял её, а словно договаривался с ней, оставляя уголки сумрака, чтобы ярче горела огромная Свеча. Её пламя поднималось высоко, ровное, немигающее, и казалось, что оно не сжигает, а бережёт ночь, не давая ей стать злой.

Странник стоял у края площади, сутулясь, будто хотел стать меньше, незаметнее. Он привык к городам, где вечер — это время, когда улицы становятся ловушками, где из темноты тянутся руки, а из переулков доносятся чужие шёпоты. Здесь же тишина была не насторожённой, а спокойной, словно город дышал ровно и глубоко, как спящий ребёнок.

К нему подошла молодая горожанка — в простом платье, с распущенными волосами, в которых запутались отблески пламени. Улыбка у неё была лёгкая, будто она всё время чему-то тихо радовалась.

— Рада тебе, добрый человек! — сказала она, чуть склонив голову, как будто приветствовала не чужака, а давно ожидаемого гостя.

Странник хмыкнул, но в этот раз без прежней язвительности — скорее от неловкости.

— Почему вы все говорите «добрый человек»? Ведь вы

не знаете, какой я на деле...

— Все люди добрые, — просто ответила она, будто объясняла самую очевидную вещь на свете — что солнце встаёт на востоке или что вода мокрая.

Он прищурился, будто пытался разглядеть в её словах подвох.

— Ты не видела мир. Поверь, в мире много зла.

Она рассмеялась — не насмешливо, а так, как смеются, услышав старую, но всё ещё забавную сказку.

— Мне в детстве рассказывали сказки о заповедье города. Про тёмные леса, где живут злые духи, про дороги, где путников поджидают разбойники, про королей, что казнят за один косой взгляд. Но я взрослая уже, я не верю, — она снова улыбнулась. — Для меня мир — наш город.

Странник помолчал, глядя на пламя, будто искал в нём ответы, которые не мог найти в чужих глазах.

— Скажи, а зачем вы приносите подношения Свече? Ведь то, что вы ей подносите, она же вам и дала.

Горожанка посмотрела на него с любопытством, словно услышала вопрос, который никому раньше не приходило в голову.

— А ты вспомни детство своё, добрый человек. Ты помнишь, как дарил маме игрушки, которые подарила тебе мама?

Странник дёрнул плечом, будто отмахнулся от чего-то колючего.

— У меня не было матери, я рос в приюте. Но я знаю это. Дети дарят игрушки матерям, которые получили от них. Значит, вы все дети.

— Все мы дети света, — тихо сказала она и, не сводя с него спокойного взгляда, начала расстёгивать застёжки на платье.

— Постой! — Странник резко отвёл глаза, уставившись в брусчатку, будто надеялся найти там хоть какую-то опору. — Зачем ты сбросила одежду?

— Я хочу омыться светом, — просто ответила она. — Он тёплый, он ласковый, он знает нас всех по именам.

Странник сжал кулаки, чувствуя, как внутри поднимается странная, непривычная волна — не желания, а растерянности, почти стыда, хотя стыдиться ему было нечего. Он, который столько лет не стыдился ничего, вдруг почувствовал себя голым перед этой простотой.

— Позволь отвести глаза, ты смущаешь меня, — пробормотал он, по-прежнему не глядя на неё. — А я тебя не смущаю?

— А что такое смущение? — искренне удивилась она.

Он поднял глаза, но тут же снова опустил — не из-за её наготы, а из-за этой абсолютной, ничем не замутнённой искренности, которая была страшнее любого клинка.

— Вы и взаправду дети... — прошептал он почти про себя.

Горожанка, ничуть не смущаясь, подошла ближе и легко

коснулась его плеча — так, как касаются друга, вернувшегося из долгого пути.

— Не грусти, странник. Ты просто ещё не научился видеть свет. Но ты научишься. Обязательно научишься.

И, оставив его стоять посреди площади, она шагнула в круг света, подняла лицо к пламени и замерла, будто слушала что-то, чего никто другой не мог услышать.

А Странник стоял и думал, что впервые в жизни ему хочется не сбежать, не украсть, не спрятаться, а просто постоять здесь, в этом странном свете, и попробовать понять, как можно жить, когда не боишься ни тьмы, ни людей, ни даже самого себя.

Песнь вторая. Молитва

«Прими, надежда, кровь,
Ты в жертву нашу кровь
Прими, столикий бог зари.
Прими и жар души — любовь,
Слепую детскую любовь
Прими, столикий бог земли.
Дары прими, прими дары!
Хвалу, смирясь, воздадим.
Мы молим о твоей любви;
Взываем мы к сердцам нагим.
Не угасай, свети слепым.
Не угасай в ночи, где страх,
На троне восседает страх,
Не угасай, не угасай.
Не угасай, кругом лишь прах,
Когда остынет всюду прах,
Не угасай, не угасай.
Не угасай, когда в когтях,
Сжимает смерть в кривых когтях,
Не угасай, не угасай.
Дай не бояться нам того,
Зовётся что «потом»
И что непрошено всегда
Наш посещает дом.
Дай не бояться нам того,

Что словом «завтра» нарекут,
Что беспокойство и печаль
В своих руках несут.
Дай не бояться нам себя,
Что скажем мы не то,
И что услышат нас враги,
Из наших слов себе клинки
Наделают гуртом.
Веди по времени ты нас,
По лабиринту нас,
Веди, веди, веди.
Веди, и в сокровенный час,
Открой нам Истину тотчас,
Веди, веди, веди...».

Глава третья

Городская улочка была узкой и тихой — лишь где-то неподалёку, у постоянного двора, слышалось фыркание и ржание лошадей, будто сами животные здесь говорили шёпотом, не желая нарушать покой города. Мостовая, выложенная неровными камнями, чуть поблескивала от вечерней росы, а в воздухе витал запах свежего сена и дымка из печных труб.

Странник шёл, ссутулившись, засунув руки в карманы плаща, и поглядывал по сторонам с привычной насторожённостью: выискивал, где может прятаться ловушка, где скрипнет половица, где мелькнёт тень, готовая броситься наперерез. И оттого, что ничего такого не было, становилось даже тревожнее.

А потом из боковой улочки вышел человек. Не в пышных ризах, не с посохом, увешанным амулетами, а в простой холщовой рубашке, в грубых штанах, перепачканных землёй и соломой. На плече он нёс вилы, будто только что вышел из хлева. Но лицо у него было такое, что сразу становилось ясно: этот человек привык, что к нему прислушиваются.

— Рад тебе, добрый человек, — спокойно произнёс он, чуть склонив голову.

Странник вдруг рассмеялся — громко, резко, будто хотел этим смехом отогнать нелепость происходящего.

— Открою тайну, я очень злой, коварный человек. Я прибыл в ваш город, дабы обчистить казну.

Жрец даже бровью не повёл.

— Ты наговариваешь на себя, добрый юноша.

— Воистину, хочешь соврать — скажи правду, — снова хохотнул Странник. — Я известный жулик во всём королевстве, и меня ищут жандармы всех провинций.

— Это правда. Да. Но так же правда и то, что ты здесь ищешь не злой промысел, а спасения и надежды изменить жизнь, перестать скитаться.

Странник замер, прищурился, будто пытался разглядеть в этих словах подвох.

— А ты не простой человек. Кто ты? Откуда знаешь мысли чужака?

— Я верховный жрец Свечи, — просто ответил мужчина, будто называл самую обыденную должность — вроде водноноса или пекаря.

— Ты? — Странник расхохотался, но в смехе уже слышалась не насмешка, а растерянность. — Да ты одет как скотник!

— Ритуальное облачение мы не носим все. В обыденности я и есть скотник.

Странник медленно покачал головой, будто пытался уложить в голове эту странную логику.

— Диву даёшься вашим порядкам. Ни бургомистр какой-нибудь, ни аббат или ещё что там, а обычный скотник!

— У нас нет правителей или пастырей, все мы равны, — спокойно пояснил жрец.

— Ай да анархисты! Это мне по душе, это мне мило! — Странник хлопнул себя по бедру, будто нашёл единомышленников. — А ну... скажи ещё что-нибудь эдакое обо мне.

Жрец чуть наклонил голову, словно прислушивался не к словам, а к чему-то тихому, что звучало между ними.

— Ты не спроста прибыл. У тебя важная миссия, ты избранный.

Странник фыркнул, будто ему в нос попала соломинка.

— С какого холма? Ты не путаешь, отец? Я и избранный!

— Да.

— И в чём моя... как ты там сказал... миссия?

— Откровения, явленные мне, указали на тебя, но цель твоя мне неведома.

Странник почесал затылок, потом махнул рукой.

— Ну-ну. — Он хмыкнул, криво усмехнулся. — Ну бывай, жрец. Я за откровениями намерен загляну... — и снова рассмеялся, будто сам не верил в то, что сейчас услышал.

Он уже хотел было пойти дальше, но жрец тихо окликнул его:

— Постой. Ты думаешь, что смеёшься над нами. Но ты смеёшься, потому что боишься поверить.

Странник остановился, не оборачиваясь. Плечи его чуть опустились, будто на них легла тяжесть, которую он раньше не замечал.

— Боюсь поверить... — пробормотал он себе под нос, будто пробовал эти слова на вкус. — Да я ничего не боюсь.

— Тогда почему ты всё время оглядываешься? Почему ждёшь удара из темноты?

Странник резко обернулся, и в его взгляде на мгновение мелькнуло что-то острое, почти злое. Но тут же погасло.

— Привычка.

— Привычки можно менять, — спокойно сказал жрец, не сводя с него внимательных глаз. — Даже самые старые. Даже те, без которых кажется, что не прожить.

Странник помолчал, потом снова усмехнулся, но на этот раз без прежней бравады.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.